

TSUNEKO MOCHIZUKI

Slavic Research Center, Hokkaido University, Japonia
mtsuneko@let.hokudai.ac.jp

Женскость и материнство в романе *Казус Кукоцкого* Людмилы Улицкой

Женщины-писатели в современной России

В России за последние 20–30 лет заметно активизировалась деятельность женщин-писателей, особенно в прозаических жанрах. Критики неоднократно обсуждали причины появления большого числа талантливых писательниц во время перестройки, имевшего место в соответствии с динамичным развитием общества. В то же время возникает вопрос: существуют ли какие-нибудь общие черты в литературных произведениях, написанных женщинами. Разделять литературу на мужскую и женскую, разумеется, невозможно и бессмысленно — женщины-писатели очень разные, как и мужчины-писатели. Но все-таки многие критики нашли некоторые общие элементы в творчестве женщин-писателей, которые появлялись одна за другой в конце XX века.

Бенджамин Сатклифф (США) в обзоре критики, посвящённой женской прозе, называл две главные темы женщин-писателей — это тело и женская судьба¹. Действительно, мы можем отметить во многих произведениях писательниц изображение тела, особенно женского, и изображение женской судьбы. В изображении женского тела в творчестве женщин-писателей часто бросается в глаза нетрадиционная для русской серьёзной литературы откровенность описания. Некоторые критики в 1990-е годы отметили элемент натурализма в так называемой женской прозе. Гелена Гошило (США) пишет: «В эпоху (пост)гласности молодое поколение писателей — авторов так называемой женской прозы — опровергнуло традиционный метод опи-

¹ Б. Сатклифф, *Критика о современной женской прозе*, «Филологические науки» 2000, № 3, с. 117–132.

сания женщин метафорически и метонимично»². При этом Гошило называет соответствующих данному принципу писателей: Нину Горланову, Марину Палей, Нину Садур, Людмилу Улицкую, Ларису Ванееву, Светлану Василенко. Здесь мы хотим рассмотреть произведения Улицкой, которая с самого начала своей писательской деятельности изображала тела женщин разных поколений.

Особенность изображения женского тела у Людмилы Улицкой

Улицкая обычно пишет о советском времени. В ее произведениях изображена повседневная жизнь обыкновенных людей в эпоху СССР. Она никогда не проявляет прямого интереса к большим политическим или социальным событиям. Ее главная тема — образ жизни невеликих, обычных, можно сказать, «маленьких» или «маргинальных» людей. Поэтому она подробно пишет о событиях, прямо связанных с жизнью человека, — любовь, болезнь, роды, воспитание детей, старость, смерть и т.д. Само собой разумеется, что для творчества такого характера изображение тела имеет важный смысл. В ее произведениях можно заметить особые манеры изображения тела.

Первый пример. В случае сообщения женщине о ее беременности романтическая традиция требует красивого описания данного события, как благовещения, тогда как у Улицкой в рассказе (самого раннего периода) *Счастливые* (1994) идет следующее:

— Берта, ты беременна, и срок большой.

Берта села на стул, не надев лифчика, и заплакала, сморщив старое лицо. Большие слезы быстро текли по морщинам вдоль щек, замедляясь на усах, и холодно капали на большую грудь с черными курносыми сосками³.

Героиня рассказа — еврейка Берта, которая, прожив тяжелую послевоенную сиротскую жизнь, родила сына в возрасте 46 лет, безумно любила его, но совершенно неожиданно потеряла мальчика из-за аварии — является в некотором смысле воплощением самой красивой, возвышенной материнской любви. При этом она сама и лицом, и телом совсем некрасивая. Как показано выше, автор, описавший немолодую беременную БERTУ в неприглядном виде, несколько раз повторяет описание некрасивой, немного смешной внешности БERTЫ. Например:

В отличие от мужа с годами она становилась как-то менее некрасивой. Большие рыхлые усы, которые в молодости ее портили, хотя и сильно разрослись, но стали менее заметны на старом лице⁴.

² Н. Goscilo, *Dehexing Sex*, [в:] *Russian Womanhood During and After Glasnost*, Ann Arbor 1996, с. 88.

³ Л. Улицкая, *Бедные, злые, любимые*, Москва 2002, с. 9.

⁴ Там же, с. 7.

Гошило пишет об особенностях женщин-писателей, включая Улицкую, в (пост)перестроечное время: «Новая женская проза освещает гротескное тело, бесцензурное, разрушительное тело с отверстиями и вожделениями — низший физический слой по Бахтину»⁵.

В произведениях Улицкой присутствует подробное описание телесных, физических элементов, связанных с человеческими телами и ощущениями. Много и конкретно писать о женских телах и откровенно описывать насилие, половые акты и физиологические процессы — эту черту можно отметить не только у Улицкой, но и в современной постмодернистской русской литературе, которая с 1990-х гг. стала одним из главных направлений в русской литературе. Улицкая как современный, постсоветский писатель осознает большую силу, которую проявляет физическое ощущение и чувственная память. Но Улицкая, в отличие от многих писателей постмодернистского направления, не доходит до «гротеска», определенного Михаилом Бахтиным. Она избегает просторечных и вульгарных выражений, которые постмодернисты часто употребляют стратегически. В ее описании нет ни излишних подробностей, ни чрезмерности, ни чрезвычайности, свойственной «гротеску». Улицкая описывает женское тело и физические процессы не метафорично, а конкретно, но описывает не как сниженное тело или действие, а как совершенно естественное, человеческое.

Казус Кукоцкого

Роман *Казус Кукоцкого* (2000) описывает семейную историю одного знаменитого врача. Герой, Павел Алексеевич Кукоцкий — акушер-гинеколог, академик, после второй мировой войны в кризисной демографической ситуации предложил смелый проект реформы здравоохранительной системы в стране, чтобы улучшить ужасную ситуацию здоровья женщин и легализовать искусственный аборт. Его семейная жизнь сильно связана с его профессиональной деятельностью, — он познакомился с будущей женой в больнице, где сделал ей операцию по удалению матки. Далее у них, искренне любящих друг друга супругов, возникает сильный разлад из-за различий во мнении о легализации аборт. Его приемная, но очень любимая дочь умирает в беременности и т.д. Женскость и материнство являются главными темами романа. Изображение женского тела здесь играет большую, нежели в других произведениях Улицкой, роль. Здесь мы обсуждаем образы жены Павла Алексеевича — Елены Кукоцкой.

У Елены Георгиевны, женственной и красивой как характером, так и внешностью, по неизвестной причине постепенно слабеют умственные способности. В романе ее два раза купают в ванне. В первый раз ее дочь Таня купала ее в новой, купленной для нее ванне, в отремонтированной

⁵ H. Gosciolo, *Dehexing Sex...*, с. 89.

ванной комнате. Голое тело пятидесятилетней Елены, увиденное глазами дочери: «Худоба матери была болезненной, и дело было не в низком весе — сама Таня до пятидесяти килограммов недотягивала, — с плеч и предплечий Елены свисали пустые складки кожи».

В ванне Елена апеллирует к своей болезни и выражает искреннее материнское чувство к дочери:

— Я все забываю, и мне кажется, что я сейчас забыла гораздо больше, чем помню. Но скоро я забуду и то, как много я забыла. Ты не пугайся, я не имею в виду ничего страшного, я просто умираю таким необыкновенным способом, из середины головы.

— Я хотела тебе сказать, что сию минуту я — я, а ты — ты, и я тебя очень люблю. И я сейчас с тобой попрощаюсь⁶.

Во второй раз лет через двадцать внучка Женя купала бабушку Елену, у которой уже давно умерли и муж, и дочь, в той же ванне, в той же ванной комнате, уже очень старой и неубранной. Женя приходит к ней один раз в неделю. И в этот раз Елена Георгиевна, которую считали потерявшей способность говорить, в теплой воде в ванне произносит свои слова. Это неземной, возвышенный разговор между внучкой и ее бабушкой, которая принимает внучку за покойную дочь или за свою покойную (пропавшую в лагерях) мать.

— Сколько Женя себя помнит, бабушка всегда была больна. И всегда они любили друг друга, если вообще может существовать бессловесная, бездеятельная, воздушная — ни на что практическое не опирающаяся, — любовь⁷.

Елена Кукоцкая совсем не понимает реального мира и разговаривает только находясь в теплой воде, только с любимым существом, которое напоминает зародыш в матке, и в то же время вызывает ассоциации с юродивой из прошлого России — иногда полоумным, но святым существом. В ней можно увидеть архетип «большой матери» (по определению Карла Густава Юнга), хотя у нее есть только огромная любовь, но не существует поглощающей угрозы. В произведениях Улицкой, точно так же как в произведениях других писательниц, очень часто изображена «безотцовщина», и при этом у нее имеется много образов матерей. Среди многочисленных, разнообразных матерей выделяется группа образов «святых дур». Они из-за глубокой скорби или психического удара теряют интеллект, но проявляют сверхъестественную силу зоркости по отношению к любимым людям. Елена Георгиевна является типичным образом, воплощающим материнскую любовь.

В Японии из произведений Улицкой переведены повесть *Сонечка* (2002) и цикл лирических рассказов *Девочки* (2006), а также последний роман *Даннэль Штайн. Переводчик* (2009). Главный роман *Казус Кукоцкого*, за кото-

⁶ Л. Улицкая, *Казус Кукоцкого*, Москва 2000, с. 396.

⁷ Там же, с. 442.

рый ей присудили премию Букер-Smirnoff 2001, пока не переведен. В романе описываются не только Елена, дочь Таня и внучка Женя, но и мать, и бабушка Елены. *Казус Кукоцкого* — это семейная история пяти поколений по линии матери, история разных любовных отношений. Кажется, в Японии, где традиционно любят читать русскую литературу, люди, особенно женщины, понимают этот роман. Но немного сомнительно, что японские женщины могут во всей полноте понять глубокую печаль Елены Кукоцкой, которая страдала из-за различия во мнениях о легализации аборта (кажется даже, что она именно из-за этой печали постепенно слабеет), или мучения Павла Кукоцкого как акушера-гинеколога.

Изображенная в романе ситуация, в которой жили советские женщины в 1940–1960 гг., слишком отличается от ситуации того же исторического периода в Японии, где по разным причинам гораздо раньше западных стран был легализован искусственный аборт. Это только один пример, но все-таки он показывает, что условия существования тела отличаются в зависимости от государства или общества. Роман Улицкой заставляет нас размышлять о таких основных аспектах гендерного вопроса.

Womanhood and motherhood in the novel of Lyudmila Ulitskaya *Kukotsky Case*

Summary

In Russian literature of the last few decades women writers have been very active and productive. The prominent feature of such women writers is, as we think, their body-consciousness, i.e. we find in their works plenty of depictions of the body, especially women's body.

Lyudmila Ulitskaya's novel *Kukotsky Case* (2000) may be regarded as the most symptomatic case, where the author tells the lives of heroines of three different generations — the wife, daughter and granddaughter of the hero, Pavel Kukotsky. Kukotsky is an academician-obstetrician, who participates in the political process for the improvement of women's health and legalization of abortion. This motivates the abundance of descriptions of women's body and physical processes, such as pregnancy and childbearing.

The aim of this article is to analyze such physical aspects of Ulitskaya's prose from the viewpoint of womanhood and motherhood.

Keywords: contemporary Russian literature, women's prose, L. Ulitskaya, womanhood, motherhood.